

Влад Озер
ВДВ. Бессарабия

Финиш ВДВ СССР

Влад Озер
ВДВ.Бессарабия.
Финиш ВДВ СССР

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39287746

ISBN 9785449371478

Аннотация

Окончательный развал Советской Армии. Раздел частей и соединений по национальным квартирам. Разрез по сердцам и душам офицерских семей. Первые этапы становления национальных армий.

ВДВ.Бессарабия Финиш ВДВ СССР

Влад Озер

© Влад Озер, 2018

ISBN 978-5-4493-7147-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Возвращение в Болград

см. Фото: Солдатский клуб 299пдп.

Народная мудрость гласит, что нельзя дважды ступить

в одну и ту же реку, но и здесь бывают исключения. Можно, если вода стоячая. Так и я ступил второй раз в 299 полк.

Для начала отгулял очередной отпуск за текущий год. Благо, в пределах ВДВ пока еще ничего в службе не порушилось. Пока восстанавливал «подорванное» в средней Азии здоровье, потихоньку присматривался к тому, что творится в бывшей «моей» дивизии. Здесь последствия госпереворота отразились не столь сильно, как в 105 ВДД. Само по себе соединение было мощное, со своей длинной военной и мирной историей, и дух советского воспитания был достаточно силен. Любое неосторожное касание со стороны вновь формируемых руководств России и Украины могло обойтись для них непредсказуемыми последствиями. Офицерский коллектив дивизии был взбудоражен и на взводе, не смотря на то, что она находилась на периферии, но даже на БМД и колесной технике могло зайти далеко.

Поэтому на верхах для выпуска пара было придумано временное название СНГ и дивизия пока- что перебивалась в эфемерном подчинении единого командования этих стран, как и ракетные войска стратегического назначения. С развалом Союза 98 воздушно-десантная дивизия просуществовала в Болграде еще два года. В дивизии за время моего отсутствия появился новый начальник политотдела. Вместо старого «балетмейстера» А. Горбунова, пришел молодой и на-

храпистый, полковник Крамарев. (Злые языки утверждали, что он свою фамилию в свое время переделал из галичанской, которая в детстве звучала как Крамарив).

Он, в отличие от Ферганского начпо Лопухи, не поддался новым московским веяниям, не растерялся, не плакал, как его азиатские коллеги, а сохранил в кулаке всех своих подчиненных, фактически удержал дивизию от преждевременного развала.

Отпуск, как обычно, пролетел быстро и незаметно. Отлежался, оклемался, пора и к службе приступать в новом для меня качестве. За время бездельничания навел справки о положении дел в полку и непосредственно в медицинской службе полка и дивизии. Оказывается, что моего предшественника уволили за дебош и беспробудное пьянство. Средний медицинский персонал, те, у кого было рыло в пушку, узнав о моем возвращении в полк, разбежались кто-куда. Мадам Шуликова успешно перебазировалась санитарным инструктором в батальон материального обеспечения (ОБМО). Прапорщик Пизанкина осталась в полку, но переехала из своего уютного гнездышка-физкабинета в зенитно ракетный дивизион. Ее бывший покровитель и воздыхатель, командир полка К.В., пока я околачивался в Азии, благополучно перевелся в мир иной. Двойные половые нагрузки, командование полком и беспробудное пьянство оказа-

лись непосильными, даже для закаленного организма десанта.

В полку рулил, какой – то очередной командир полковник Вознесенский. К нему – то, в первую очередь, и направил стопы свои, дабы представиться, но оказалось, что он болеет, и находится в инфекционном отделении гарнизонного госпиталя. Ну, что же, мы люди не гордые, посетим командира и в заразном бараке, но прежде всего навещаю моего старого знакомого, майора Бочарова, начальника инфекционного отделения. От него узнаю, что мой теперышний, как его называют в полку, кэп, находится здесь на излечении по поводу так называемой «лихорадки Ку» или по другому – коксиделлез.

п-к С. Вознесенский

Болезнь не смертельная, но довольно неприятная, как и все инфекции. О существовании очага этой заразы в Болградском районе я имел информацию давно. Пути передачи и заражения у нее различные, но чаще всего через такой местный продукт, как брынза. А так как он сожительствовал с одной местной «красавицей», то и ничего удивительного.

Стучусь в одноместный бокс. На голос разрешения, захо-

жу в палату. Высохший до почернения, с запавшими щеками и черными кругами под глазами, полковник сидел на кровати с опущенными на пол ногами. В наброшенном для проформы на плечи халате захожу, приветствую полковника и негромко, с учетом места нахождения, представляюсь. Полковник, сидя, подает мне вялую кисть. И смотрит круглыми выпученными глазами далеко не дружелюбно.

– Присаживайтесь, товарищ капитан. Извините, что я вынужден знакомиться с вами в несоответствующей обстановке. Вы как, тоже будете гоняться за мною по полку с ружьем?

– Ни в коем случае, товарищ полковник. Если между нами когда-либо и возникнут проблемы, то надеюсь, что мы сможем решить их более мирным путем.

Мне уже доложили, что мой предшественник, майор Заворуев, действительно, в состоянии белой горячки покушался на жизнь командира полка. Также я догадывался о том, что кэпа уже по всей видимости просветили насчет того, что я начинал в этом полку службу лейтенантом. И у кое-кого остались обо мне не самые приятные воспоминания. Вот отсюда -то и его настороженность в глазах.

По – быстрому обсудив текущее состояние медицинского обеспечения в полку, мы расстались. Командиру до выписки из стационара оставалось еще пару дней, а я пото-

пал принимать дела и должность, хотя это громко сказано, принимать нечего и не у кого. Предшественник уже на пенсии, но без пенсии, начальника МПП вообще пока нет. Временно все и за всех исполняет обязанности начальник аптеки прапорщик Елена Королева. Смазливая, двадцати восьми лет бабенка. Вся ее красота, как у вокзальной шлюхи: синяки вокруг глаз и жирно намазанные красной помадой губы. Бывший когда -то при мне начальник аптеки прапор Недялков, отбывал ссылку в артиллерийском полку в Веселом Куту фельдшером дивизиона. Он, находясь в состоянии белой горячки, стрелял в жену и соседей из ракетницы, за что его по просьбе жены и большому блату, не уволили, а только заперли к черту на кулички.

Сдаю свое предписание в строевую часть. Мое появление в форме на территории полка воспринимается неоднозначно. Кто в курсе, а их меньшинство, с пониманием. Кто уверен, что я служу в Фергане, с удивлением и догадками. Надо сказать, что за четыре года отсутствия, тех кто вообще меня помнит осталось совсем немного. Почти не изменился за это время состав прапорщиков и майоров. Они вечные и постоянные, но и лишних вопросов никто особо не задает, потому как все прекрасно понимают, что произошло в стране, а потому возможны самые невероятные перетрубаии с офицерским составом ВДВ.

А вот и родная территория медицинского пункта. Уютной прохладной тенью встречают меня липы и черешни скверика вокруг МПП. Изумрудной синевой от растворенного в ней медного купороса улыбается вода, построенного когда-то под моим руководством, бассейна. С докладом на крыльцо выходит незнакомая дежурная медсестра.

Собираю на пятиминутку весь немногочисленный коллектив. Знакомлюсь с теми, кто меня не знает. Ставлю задачи по неуклонному и полноценному медицинскому обеспечению повседневной жизнедеятельности личного состава полка, потому как, не смотря на все, что происходит в мире и вокруг нас, полк и дивизия продолжают интенсивно заниматься боевой подготовкой по расписанию.

В отличии от 105 ВДД в стране-Узбекии, откуда я только прибыл, здесь пока вообще нет никаких разговоров о том, кому дивизия должна принадлежать. Процесс находится в подвешенном состоянии. В Верховной Раде Украины пока что преобладающее большинство принадлежит коммунистам, а те, как известно, вроде как за союз с Россией, но идет интенсивное перетягивание каната. Вчерашние коммуняки, учуяв запах жирного бабла от предстоящего большого хапка, потихоньку уничтожают, по примеру главного пропагандона коммунизма в Украине КраДчука свои партбилеты и переходят в лагерь, так называемых дерьмократов.

Первые, по настоящему «боевые» законы, направленные против нас, военных, Рада приняла, чтобы устранить раз и навсегда конкурентов. Первое – это деполитизация армии, с запретом состоять военным служащим в какой-либо партии. Второе – запрет военным служащим заниматься каким-либо бизнесом. Вот и чудненько! Большая группа более-менее неглупых конкурентов вышиблена из седла. Конечно, далеко не до всех панов-ахвицеров доходит смысл принятых законов, но это уже их проблемы.

Мы все еще продолжаем получать денежное содержание в советских, но уже почти ничего не стоящих рублях. Я активно поглощаю новости из газетной макулатуры и телеящиков. Все что происходит в Москве и Киеве, мне мало понятно, но я помню слова замполтылу артиллерийского полка еще в ГСВГ подполковника Саботы, повторенные им неоднократно на политзанятиях четырнадцать лет назад. Еще тогда, иногда возникала и поднималась крамольная тема об отделении Украины от СССР на основании записанного в тогдашней конституции права на самоопределение. И когда комсомолец третьего дивизиона, хохол, прапорщик Запорожец настаивал на том, что, мол, как бы хорошо жила Украина, если бы была самостоятельной, мудрый полковой воришка уже тогда доказывал, что в свободном плавании Украина пропадет, как дождевой пузырь в луже. И я был с ним тогда

и сейчас согласен, но из всех украинских СМИ в настоящий период лились медоточивые басни о том, как мы теперь жирно заживем, уйдя из – под ига москалей. Стало появляться незнакомое слово – ваучер, а в след за ним появился и купон-тампон. Бабушки по подъездам шептали мантры о том, что лишь бы не было войны, а все остальное переживем. Бабушкам повезло, почти все они дожили свой век в более-менее тихой обстановке.

Когда я пишу эти строки, на востоке Украины полыхает самая настоящая братоубийственная война. Погибло официально более десяти тысяч человек.

А пока во дворе стоял 1992 год. Замполиты, которые теперь уже стали воспитателями, снова, в очередной раз «перестроились» быстрее всех, а на занятиях по «выховной»* работе бормотали заклинания о какой – то соборности Украины.

Ну, а я активно впрягаюсь в службу. И никто меня не спрашивает, нравится мне мое нынешнее положение или нет. Офицеры полка, которые меня помнят, считают, что я как – то быстро и странно продвигаюсь по служебной лестнице. Пришел, мол, четыре года назад сюда младшим врачом полка, где – то отлежался в верхних штабах пару лет, а вернулся старшим врачом полка. Которые меня не знают, тем вообще

по барабану.

Новый здесь для меня начмед дивизии Александр Голобородько, попытался как – то наскоком подмять, но ему от этого стало очень больно, потому что я чуть ли не открытым текстом, в присутствии его подчиненных и посторонних на территории медицинского батальона послал вдале. После этого он долго куксился и вообще сторонился, но через пару месяцев глядя на мою службу, кардинально изменил свое отношение ко мне.

Потихоньку доукомплектовываю штат медицинской службы полка. Прислали по замене нового начальника медпункта по фамилии Сотников. Прибыл из академии молодой лейтенант по фамилии Бочаров на должность младшего врача полка. Средний медперсонал, фельдшера и медсестры сами ежедневно приходят и просят на службу. Отбираю среди них лучших, на свое усмотрение. Жизнь в медпункте закипела. Мне стало легче дышать. На должность санитарки попросилась еще относительно молодая местная гагаузка с мужским характером. Она могла не только шваброй грязь размазывать, но при необходимости и стенку замуровать и розетку починить. Затеваю давно необходимый ремонт мед пункта. Как всегда, средств для этого в части нет. На свои покупаю всю необходимую сантехнику для ванной и душевой в санпропускнике. Санитарка с парой солдат все

это монтирует.

В процессе сталкиваюсь в медпункте со странным солдатом —фельдшером, двадцати годков. Такой весь из себя парниша. На меня пытается не реагировать, обходит стороной. Числится по штату в медпункте. В казарме не живет. На вопрос:

– А где живешь, солдат?

Лицо отворачивает и сопит. Навожу справки. Оказывается, он по ночам проживает у той самой начальницы аптеки. Открыто сожительствует. Раскапываю сие неподобство и узнаю, что вся полковая верхушка в курсе, но почему – то закрывают глаза и потворствуют.

Вызываю к себе в кабинет аптекаршу. Спрашиваю в лоб:

– Извините, а что за дела?

Она в истерике. Начинает орать, как свинья застрявшая в заборе:

– Да вы, да ты, да вы знаете, кто я такая!? Да я когда служила в госпитале, операционной сестрой! Так я самому Паше Грачеву прямо на операционном столе отдавалась! Да я

тебя в порошок сотру!

Ах, вон оно что, ну понятно, почему даже во всем принципиальный кэп делает вид, что ничего не замечает, но у меня такие номера не проходили никогда. И не пройдут.

Это же ЧП в полку, ходячее. Это какой же пример для всего остального личного состава! Сильно я засомневался, что сам Грачев станет подписываться за этот ходячий кусок дерьма. Оказывается, что эту шмару с неизвестно от кого нагулянным ребенком, уже давно бросил муж, старлей. Она прошла рым и крым, а вот теперь пригрела в своей норе солдата срочной службы. Мне шептуны доложили, что в ее однокомнатной квартирке из-за грязи и мусора можно перемещаться только прыжками из точки в точку.

Ставлю вопрос ребром перед командиром. Солдата в тот же день переводят в 217 полк, естественно, на казарменное положение. Прапорщица, в засаленном кителе, с сигаретой в зубах зло рычит в мою сторону. И затевает перевод в Кировоградскую бригаду спецназа, поближе к месту своего появления на этот свет, и в скором времени уезжает. На аптеку возвращается отбывший срок наказания, ссыльный прапорщик Недялков.

Лечебно-профилактический процесс в полку шлифую

до механизма швейцарских часов. Никому не скулю и не плачусь. Бывшим врагиням, типа прапорщицы Пизанкиной в ЗРАДНе, и сержанту Шуликовой в ОБМО, делаю вид, что ничего не помню, и вообще никаких проблем между нами никогда не возникало. Они в это верят, и становятся за меня горой, агитируя и остальных в мою пользу. Командиров рот и батальонов ненавязчиво ставлю на свое место в плане отношения к профилактике заболеваемости и отношения к заболевшему солдату. Даже командир, долго крысившийся в мою сторону из-за предшественника, и тот постепенно оттаял и оценил.

Управление – это непрерывный, сложный процесс получения, переработки информации, принятия решения, отдачи распоряжений, контроля и помощи в их реализации, т.е. это непрерывный процесс воздействия органов управления на объекты управления.

Под управлением медицинской службой принято понимать целенаправленную деятельность начальников (командиров) и органов управления медицинской службой по поддержанию постоянной боевой готовности ее подразделений, частей и управлений, подготовке их к медицинскому обеспечению боевых действий и руководству ими при выполнении поставленных задач. И т. д. в том же духе, на пару страниц текста.

А вот вам и работа НМС во время по подготовке к войне, и непосредственно во время военное:

В условиях современного боя, характеризующегося высокой напряженностью, маневренностью, резкой изменчивостью обстановки, к управлению предъявляют определенные требования: оно должно быть устойчивым, непрерывным, оперативным, и скрытым.

Устойчивость и непрерывность управления достигается: постоянным знанием реально сложившейся обстановки; правильным уяснением задачи, поставленной командиром дивизии (полка) и старшим медицинским начальником; своевременным принятием решений и четкой постановкой задач подчиненным; наличием связи с подчиненными, непосредственным командиром и вышестоящим начальником медицинской службы... И снова несколько страниц печатного текста. Эти документы необходимо периодически освежать, отрабатывать. На это тратится уйма служебного и личного времени. Об этом знают только те, кто сам все прошел.

Но вернемся к реальной жизни полка в тот период. Шел третий, год как из дивизии ушел генерал А. Чиндаров. Все это время ее возглавлял Герой В. В., о котором я уже прежде неоднократно упоминал. В то время, когда я его проводил

во время ГКЧП из Ферганы, он все таки успел попасть в Болград, и вместе с дивизией слетать в Москву, но дальше подмосковных аэродромов предатель -командующий ВДВ П. Грачев ее не пустил. Он с Ельцыным уже все порешал и дал команду возвращаться обратно в свою Бессарабию.

Офицеры дивизии, как в свое время офицеры вермахта, посмотрели на белокаменную в бинокли и пришли к выводу, что война проиграна. В.В. взял под козырек и повернул дивизию обратно. Уверен, будь в тот момент командиром дивизии А. Чиндаров, он бы арестовал Ельцина со всей его камарильей. И возможно, что Союз бы еще сохранился. Но, увы, имеем то, что имеем.

С тех пор основная масса офицеров и прапорщиков, предчувствуя нехороший для них финал, пыталась напиться Болградского вина впрок. На всю оставшуюся. Дивизия не просыхала от пьянства. Мне доложили, что в результате затяжного запоя, при смерти находится начальник артиллерии полка подполковник В. К. Тут же принимаю меры по его спасению. И после утреннего построения подхожу с этим вопросом к кэпу. Он уже на то время выписался из госпиталя.

– Доктор, да пошел он! Скинемся по рублю, если подойдет, да и все дела. И да, это уже не первый раз он умирает, так что ты не переживай, такие, не сдыхают, -таков был ответ

командира на мою мольбу.

Сам подполковник К.В. мне был достаточно знаком. Я под его руководством когда – то набирал молодежь для дивизии в славном городе Сызрани. И в трезвом состоянии он был вполне приличным офицером, но против воли командира не попрешь. Тем не менее, по телефону прошу командира медбата послать к нему на квартиру скорую с дежурным врачом. И его благополучно, в очередной раз откапали-прокапали.

В тот же день на моих и на глазах заместителя командира полка, подполковника С. Курбатова, начальник автослужбы полка майор А. Галюк врезался на своей Газ-24 в дерево на территории полка, будучи сильно пьяным. Курбатов даже уронил от волнения кулек с куриными яйцами, которые нес домой, урвав по блату в магазине военторга. Мне тут же пришлось вытаскивать окровавленного майора из-за баранки.

– Доктор, он что умер!?! -запричитал подполковник, подбежав к машине вслед за мной.

– Никак нет, просто смертельно пьян, -ответил я.

– Фу! Слава Богу. Ну, от этого он не умрет, -облегченно вздохнул заместитель командира.

Порой было страшно смотреть на беспробудное Болград-

ское пьянство, которому совершенно не препятствовал Гостротин. Это в Фергане вина почти не было, правда, однажды видел вино, под названием» Ширин», но оно чем -то напоминало содержимое канализации по запаху. Не умеют мусульмане заниматься виноделием. Аллах не разрешает.

Очередной понедельник. Перед утренним построением офицеров полка, захожу в МПП. Мой кабинет теперь размещается на втором этаже, прямо напротив лестничной площадки, там, где когда – то был мой кабинет младшего врача. Сюда его переместил мой предшественник, Заворуев.

– У нас в медпункте сегодня ночевал майор Лисовой С., – шепотом докладывает мне дежурная.

– Кто такой!?

– Выпускник академии Фрунзе, прибыл на должность командира второго батальона. Здесь, я ему постелила в кладовой, рядом с вашим кабинетом.

– Кто приказал?

– Дежурный по полку.

– Где он сейчас?

– Еще здесь...

– Передайте этому майору, что медпункт не гостиница. Нечего здесь ошиваться. И завтрак ему не подавать, – громко произнес я, зная какие щели в двери этой кладовой, и нарочно, чтобы неведомый мне майор все слышал. Ох, не предвидел я, что это будущий заместитель командира дивизии,

а в перспективе и командующий аэромобильными войсками ВС Украины.

А возмутился я потому, что уже давно, задолго до моего здесь появления, да и не только здесь, сложилась традиция использовать медицинские заведения в качестве гостиниц для более-менее важных персон, прибывающих в части. Когда я вернулся в медпункт после построения, майора уже не было. Да и ладно, пусть комбаты знают, что в полку появился начмед. Это они, по тому или иному поводу ежедневно должны были заискивать передо мною. Потому как это я, контроль за их повседневной деятельностью.

В редакции дивизионной газеты под названием « Стой! Кто идет?» у меня есть друг. Еще с лейтенантских времен, Юра Парасюк. Тогда он был просто журналистом, а теперь – редактор этой самой газетенки. Как всегда, в те времена всеобщего дефицита, в МПП не хватало бумаги на листочки для вклеивания в истории болезни. У него, соответственно, этого добра стояли огромные рулоны, а из них они нарезали себе по необходимому формату. Она хоть была и никудышная, серая, как наша жизнь, но за неимением гербовой, пишут на простой. Вот и договорился я с ним по телефону, что он меня осчастливит энным количеством, этой макулатуры.

Иду к нему сам. Это во первых, не очень далеко, на терри-

тории соседнего полка. А во вторых, есть повод встретиться со старым знакомым, поболтать обо всем и ни о чем. Открываю массивную, оббитую металом входную дверь, и попадаю в узенький кривой коридорчик. Минувя очередной поворот торможу, потому что слышу громкие вопли знакомого всей дивизии голоса. Вижу в приоткрытую дверь кабинета редактора, вытянувшегося по струнке капитана Парасюка. А распекает его за какие – то упущения в работе начальник политотдела, если по старой номенклатуре, или теперь уже отдела по воспитательной работе, полковник Крамарев. Я его не вижу, но догадываюсь, что он сидит за столом в кресле редактора.

Жду минуту, вторую, пятую, вижу, что конца не будет этому воспитательному процессу. У меня лишнего времени никогда нет. Да и не люблю выслушивать чужие нравоучения. Нарочно громко топаю ногами и стучу в дверь кабинета.

– Да! -раздается львиный рев барина.

– Разрешите, товарищ полковник? -как можно скромнее спрашиваю я, чтобы не нарываться, а заодно и друга освободить от тяжелого воспитательного процесса.

– Кто такой!?

– Начальник медицинской службы 299 полка капитан Озерянин.

– Чего надо!?

– Товарищ полковник, мне нужна бумага для ведения ис-

торий болезни... Вот хотел попросить, если можно, у товарища капитана..

– Что!!!? Какая бумага!? Здесь, что, склад бумаги для всех желающих!? Парасюк! Ты что, ему обещал!!!?

– Никак нет, товарищ полковник!

– А что же они сюда идут, как в свою кладовую!?

– Ну, ладно, товарищ полковник, если нет ее у вас, то я и не настаиваю. Хотя сам как – то видел, что там рулоны двухметровой толщины еще со Сталинских времен.

– Идите, идите отсюда, капитан. Развел, понимаешь, травматизм в полку, и ходит, подбирается...

Ну, тут я мгновенно вскипел. У меня еще до сих пор стояла перед глазами Ферганская картинка, когда такие же, как он, стояли на крыльце штаба дивизии, и пьяные в стельку плакали, когда Ельцин распорядился всех замполитов с армии выгнать. А этот, видите ли, здесь заныкался и уже снова ожил, хотя жало и вырвали. Раньше они по штату были заместителями командиров, а теперь всего лишь жалкие помощники, но кое кто зубы еще пытается демонстрировать.

– Это я развел травматизм? Так это же вы, бездари замполитовские, несете прямую ответственность за внедрение уставных норм службы среди личного состава! Так это же вы отвечаете за мордобой и пьянство. Но как всегда, сидите

по норам и ничего не предпринимаете, пока гром не грянет!

Полковник поначалу опешил. Глаза полезли на лоб. В таком тоне с ним подчиненные уже давным – давно не разговаривали. Челюсть отвисла до столешницы.

– Что вы на меня уставились!? Я что неправду говорю!? Да, ведь это вы- главный бездельник в дивизии, товарищ полковник. И не нужна мне ваша бумага.

– Вон! Вон отсюда! – наконец пришел в себя полковник и заорал диким голосом. А за моей спиной уже только громынула входная дверь.

«Ну, вот, нажил еще одного врага, – подумал я. – Но пусть и эта сука знает, что его время уже закончилось.»

Через пару дней после этого случая в штабе полка совещание в присутствии заместителей командира дивизии. Начальники служб полка собрались небольшой кучкой возле штабного крыльца. Начинают подъезжать дивизионные начальники. Дежурный по полку только успевает подавать команды, а мы имитируем вздрагивание по стойке «смирно». Вот подкатывает очередной УАЗик и из него, как тугой мячик, выпрыгивает помощник командира по «помповоспитательной» работе с личным составом. Тот самый Крамарев. Он быстро подает каждому руку. Я уже знаю его дурацкую

привычку пожать руку и дернуть ее на себя, поэтому своевременно выставляю правую ступню вперед, и делаю упреждающий рывок его на себя. Полковник от неожиданности чуть язык не прикусил и повалился на меня, но я его левой рукой оттолкнул от себя.

Рядом со мною стоял начмед дивизии, А. Голобородько. Крамарев зло зыркнул на меня, потом на него.

– Т-ты знаешь, кто он у тебя!?

– Знаю.

– Кто?

– Лучший начмед полка во всей дивизии.

– Что!? Да я, да я бы т-тебе сказал, кто он, эх жаль времени сейчас нет, – и он прыжками заскочил внутрь штаба.

– Что это с ним? – обратился ко мне дивизионный шеф.

– Да ничего особенного, это у него старые обиды никак не пройдут, – прошептал я. И мы тоже проследовали на совещание. Так я впоследствии и не удосужился узнать, что думает обо мне этот бывший замполит. Ну, да ладно, переживу как -нибудь.

Еду на санитарном авто из медбата в полк. Дневальный по КПП открывает ворота. Прямо на капот бросается с воплями обезумевшая, или выжившая из ума, моя давняя «подруга» по медпункту, мадам Шуликова.

– Кирилыыыч!!! Ой горе мне, горе!

– Да что случилось? — спрашиваю я, выглядывая в окошко. Шуликова за эти годы еще больше состарилась, но свирепый дух по-прежнему не теряет. Боевая раскраска верхних век, солдатским сапожным кремом, хоть и постоянно осыпается, но часть ее еще держится. Жабьи буркала болотного цвета все так же мечут молнии во всех ее потенциальных врагов. Я сейчас по всей видимости из списка врагов вычеркнут, потому что она по-панибратски изливает мне содержимое своей черной душенки.

– Кирилыч! Ты представляешь что натворила наша сука-дочь!? Ее муженек, подполковник Шуликов, подкаблучник по жизни, топчется рядом, у нее за спиной.

– Так что случилось? – она застопорила машину в воротах, а я тороплюсь проехать, чтобы освободить проезд, но вижу что придется сойти, она просто так не отстанет. Выхожу из машины, боец-водитель проезжает метров десять вперед и принимает вправо, останавливаясь.

– Ну, рассказывайте.

Тамара Алексеевна заливается слезами и продолжает:

– Ой, да ты понимаешь, наша же дочь уже на четвертом курсе псковского медицинского училища. И что думаешь, эта сука сделала подпольный аборт! Вот сейчас истекает кровью, а нам надо срочно ехать к ней! И даже не знаем, застанем ли в живых! Вот горе, горе нам!!!

И она начинает заливать слезками мой китель. Я как могу, пытаюсь изобразить сочувствие, и утешить старую прош-

мандовку.

Ведь это она воспитала дочь по образу и подобию своему. Будучи младшим врачом, я видел, как эта доченька еще с седьмого класса заигрывала с солдатами. Доходило до того, что еще тогда мамка ее закрывала и неделями не выпускала из квартиры. Ну, и вот он, закономерный финиш.

– Да ладно вам, Тамара Алексеевна, ваша дочь крепкая девочка, она выживет. Не волнуйтесь, езжайте в родные края, все будет хорошо, вот увидите.

Я еле оторвался от истерички и заскочил в машину. Ничего подобного в моей жизни еще не было, чтобы мать о родной дочери орала на весь полк такое. Не хочу никак оскорбить псковских жителей, и тем более женщин, но эта Шуликова, ваша землячка. Доченька не только выжила, а через пару месяцев еще и пришла служить прапорщиком-фельдшером рембата, который располагался на территории нашего полка. Но это уже другая история.

В период службы в Фергане начмед дивизии оформлял представление на досрочное присвоение звания капитан, но тогда дивизионный кадровик сам посоветовал мне не отправлять его по инстанции, потому что до истечения срока оставалось пару месяцев. А документы на досрочное присвоение могли перехлеснуться с теми, которые на своевременное представление. Могло получиться, что даже задержится то звание, которое должно было прийти в срок.

И вот на днях начмед дивизии сообщает мне, что он офор-

мил документы на досрочное присвоение мне звания майора.

– Спасибо, конечно, товарищ майор, что вы обо мне заботитесь, но что – то меня гложут большие сомнения в том, что его реально могут досрочно присвоить.

– Да ладно вам, Владимир Кириллович, будьте оптимистом! – уговаривает меня шеф.

По каким – то делам иду по штабу полка. Случайно захожу в кабинет начальника инженерной службы, а там целая толпа полковых дам прихорашиваются возле зеркала. Когда я служил лейтенантом в полку, то было не более восьми женщин, включая медиков, связисток и секретарш. Сейчас уже около двадцати.

– О, Владимир Кириллович! Заходите, заходите, гостем будете! – изображает бурное гостеприимство Машка Пущулкова, делопроизводитель по штату, а реально исполняет должность «стой там – иди сюда». Потому что уже нет такой службы в части, где бы она не работала. Знает в полку всех и все.

– Да мне нужен НИС (начальник инженерной службы), - не знаете где он?

– Он в штаб дивизии по делам подался, -ответила секретарь инженерной службы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.